

Гражданско-правовой статус предпринимательских объединений в условиях гармонизации европейского и российского законодательства

Т. В. Ефимцева¹, Т. В. Летута²

¹ Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),

Российская Федерация, 460000, Оренбург, ул. Комсомольская, 50

² Оренбургский государственный университет,

Российская Федерация, 400018, Оренбург, пр. Победы, 13

Для цитирования: Ефимцева, Татьяна В., Татьяна В. Летута. 2020. «Гражданско-правовой статус предпринимательских объединений в условиях гармонизации европейского и российского законодательства». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 50–66. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.104>

В статье рассматривается проблема соотношения закрепленного в российском законодательстве подхода к определению коллективного субъекта права, признаков юридического лица и требований современного экономического оборота, а также практики правоприменения в России и Европейском союзе. Анализ законов о предпринимательских объединениях в России и актов Европейского союза, а также практики их применения позволяет выявить тенденцию распространения доктрины контроля и доктрины единого экономического интереса. В рамках этих доктрин возможна эффективная защита корпоративных интересов юридических лиц, входящих в состав предпринимательского объединения. Указанные особенности необходимы и достаточны для функционирования предпринимательских объединений в качестве самостоятельных субъектов и в России, и в Европе. Концепции юридического лица, его гражданского статуса и правосубъектности важны только для разрешения договорных споров. Как показывает практика применения корпоративных норм, статус юридического лица в отношении компаний, входящих в предпринимательское объединение, становится обременением, которое препятствует, с одной стороны, эффективному ведению бизнеса, с другой — государственному контролю над финансовой, налоговой и конкурентной деятельностью участников экономического оборота. С учетом того, что каждый коллективный субъект присутствует как в сфере договорного регулирования, так и в сфере корпоративных отношений, нормы Гражданского кодекса РФ о классификации субъектов права, понятии и признаках юридического лица охватывают только один аспект жизнедеятельности коллективных субъектов и ограничивают их проявления в сфере корпоративных отношений. Предлагается расширить представление о коллективных субъектах частного права. Доказывается практическая целесообразность наделяния предпринимательских объединений гражданско-правовым статусом.

Ключевые слова: субъекты частного права, правовой статус, банковские группы, доктрина единого экономического интереса, корпорация, гражданско-правовая ответственность.

1. Введение

Проблема определения статуса корпораций в международном праве и соответствия учения о правах и обязанностях субъектов частного права современным потребностям международного сообщества, поднятая М. Пентикяйнен, пробудила интерес к исследованию вопроса о соотношении законодательного определения субъекта российского частного права и требований современного международного экономического оборота (Pentikäinen 2012). Россия, являясь стороной Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией и Европейскими сообществами и их государствами-членами, в соответствии со ст. 55 указанного Соглашения стремится к постепенному достижению совместимости своего законодательства с европейским (Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, заключено на о. Корфу 24.06.1994. Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 декабря, 2018. <http://www.consultant.ru>).

Произошедшая в России в 2013–2015 гг. реформа гражданского законодательства в значительной степени была направлена на использование положительного опыта модернизации законодательства европейских стран (Долинская 2018, 4). Однако принятые поправки и изменения не затронули определение субъекта частного права, его признаков. По мнению С. Ю. Кашкина и А. В. Жупанова, проблема совместимости норм законов о компаниях в различных странах состоит в том, что понятие и признаки юридического лица, равно как и круг субъектов, охватываемых этим понятием, различаются в зависимости от конкретного национального законодательства (Кашкин, Жупанов 2013). Процесс транснациональной координации частного права в странах Европы стартовал примерно с 1962 г. (Stein 1972, 319). Для России вопросы гармонизации европейского и российского законодательства относительно новы, но с учетом значимости товарооборота между Россией и странами Евросоюза требуют скорейшего разрешения (Иванов 2018).

В российском праве до сих пор доминирует концепция триады субъектов частного права: физические лица, юридические лица, государство. Предпринимательские объединения, не зарегистрированные в качестве юридических лиц (далее — предпринимательские объединения), по общему правилу не признаются самостоятельными субъектами экономических отношений. В частности, В. В. Лаптев отмечал, что такие коллективные образования функционируют как хозяйственные системы, которые не являются завершенными полнокровными субъектами права (Лаптев 2003, 161). Речь идет прежде всего о банковских группах и холдингах, трансграничных корпорациях.

В российской доктрине частного права отсутствуют фундаментальные разработки понимания гражданского статуса предпринимательских объединений. По мнению большинства ученых, предпринимательские объединения не обладают самостоятельной имущественной обособленностью, организационным единством, самостоятельной гражданско-правовой ответственностью и способностью выступать в гражданском обороте от собственного имени. Однако на практике формально независимые участники предпринимательского объединения фактически

оказываются настолько взаимозависимы, что игнорирование вопроса правовой легитимации таких объединений представляется опрометчивым и не соответствующим потребностям экономического оборота.

Актуальность выбранной темы усиливает международная судебная практика, демонстрирующая особый подход к пониманию оснований возникновения статуса юридического лица как субъекта частного права. Экономический суд СНГ в решениях от 21.12.1995 № 07/95, от 15.09.1998 № 01-1/3-98 и от 27.06.2000 № 01-1/1-2000 отметил, что статус юридического лица для международной организации либо носит побочный, вспомогательный характер, либо служит средством для реализации профессиональной международной деятельности, поэтому специализированные международные организации (например, Межгосударственный банк) могут наделяться одновременно и международной, и гражданско-правовой правосубъектностью. Последняя может возникать по нормам международного публичного права на основании Соглашения об учреждении такой организации (Обзор судебной практики Экономического суда СНГ по делам о толковании соглашений и иных актов, определяющих статус и полномочия органов и организаций СНГ. Минск, 2012. Дата обращения 1 декабря, 2018. http://sudsng.org/download_files/publication/obzor0-2012.pdf). Особую пикантность данному подходу придает то, что подобные организации не укладываются в рамки традиционных представлений о субъектах российского частного права, но в силу объективной потребности международного сотрудничества легитимируются судебным органом в качестве таковых. Почему же рассматриваемые организации могут наделяться гражданско-правовым статусом, а банковские группы по-прежнему не находят себе места в системе субъектов российского частного права? Возможен ли с учетом современных тенденций развития европейского частного права поиск критериев, позволяющих включить предпринимательские объединения в число субъектов гражданских отношений?

Колоссальное влияние предпринимательских объединений на экономику как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом актуализирует проблему адекватности законодательно закрепленных признаков субъекта частного права современным реалиям. Поэтому цель настоящей статьи состоит в разработке подхода, позволяющего с учетом практики применения норм частного права в Европейском союзе и России определить гражданско-правовой статус предпринимательских объединений.

2. Основное исследование

2.1. Обзор законов о предпринимательских объединениях и практики их применения в России. Традиции континентальной системы права обязывают обратить внимание в первую очередь на законодательные акты.

Конституция РФ предусматривает право каждого на объединение, свободу деятельности общественных объединений, свободу использования своего имущества для экономической деятельности (ст. 30, 34). Таким образом, Основной Закон России признает возможность существования разных форм предпринимательства, но не конкретизирует их. Упоминания о различных коллективных и предпринимательских объединениях содержатся в законах, посвященных отдельным видам предпринимательской деятельности (инновационной, инвестиционной). Так, в ис-

следовании, проведенном нами ранее, отмечалось, что субъектами инновационной деятельности, согласно российскому законодательству, могут быть объединения научных работников, не зарегистрированные в качестве юридических лиц (Ефимцева 2009, 1103–1104).

Основной закон в сфере частного права — Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ 30.11.1995 № 51-ФЗ — закрепляет право иностранных организаций, не являющихся юридическими лицами, заниматься экономической деятельностью на территории России (ст. 1203). Однако ГК РФ не раскрывает понятия предпринимательских объединений, не зарегистрированных в качестве юридических лиц, не отражает их гражданско-правового статуса.

Попытки характеристики предпринимательских объединений осуществлялись либо в нормативных актах, не имеющих на сегодняшний момент существенного значения, либо в проектах законов, либо в актах, утративших силу. Так, Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества, утв. Указом Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий», определяло холдинговую компанию как предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий. Однако данный нормативный акт не следует рассматривать как основной для раскрытия темы исследования, поскольку он распространялся исключительно на объединения, создаваемые в процессе приватизации, и раскрывал понятие холдинговой компании лишь через акционерные общества.

Проект закона № 99049555-2 «О холдингах» был снят с рассмотрения Государственной Думы РФ в 2002 г. в связи с нецелесообразностью. В данном проекте под холдингом понималась совокупность двух и более юридических лиц (участников холдинга), связанных между собой отношениями (холдинговыми отношениями) по управлению одним из участников (головной компанией) деятельностью других участников холдинга на основе права головной компании определять принимаемые ими решения.

В 2007 г. был признан утратившим силу закон «О финансово-промышленных группах», который понимал под финансово-промышленной группой совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние общества либо полностью или частично объединивших свои материальные и нематериальные активы (так называемая система участия) на основе договора о создании финансово-промышленной группы в целях технологической или экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест.

Указанные акты и проекты отражали стремление законодателя закрепить особые условия для распространенных на практике форм ведения предпринимательской деятельности. Так, в России существует множество контрольных холдингов (где головная компания владеет контрольным пакетом акций), а также холдингов вертикальных (в которых все участники объединены в одной производственной цепочке) и горизонтальных (в них дочерние общества рассредоточены).

Несмотря на изобилие законов, посвященных отдельным формам и видам предпринимательства, обнаружить понятие холдинга и группы лиц как разновидностей предпринимательских объединений можно лишь в Законе РФ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках и банковской деятельности) (ст. 4). Группой лиц по банковскому законодательству признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно или несколько юридических лиц находятся под контролем либо значительным влиянием одной (головной) организации.

Банковским холдингом признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, включающее хотя бы одну кредитную организацию (при определенных условиях), находящуюся под контролем одного юридического лица, не являющегося кредитной организацией (головная организация банковского холдинга), а также иные юридические лица, находящиеся под контролем либо значительным влиянием головной организации банковского холдинга или входящие в банковские группы кредитных организаций — участников банковского холдинга.

Таким образом, для понимания холдинга и группы как частноправовых категорий следует опираться на нормы гражданского права, регулирующие состояние зависимости одного субъекта права от другого. Гражданский кодекс РФ содержит общие положения о дочерних, зависимых обществах (ст. 67.3 ГК РФ (часть первая) от 30.11.1995 № 51-ФЗ), создавая базу для конкретизации отношений экономической и организационной зависимости в специальном законодательстве. Речь идет о законах, чьи нормы регламентируют деятельность тех форм юридических лиц, в рамках которых возможно создание транснациональных корпораций, холдингов, банковских групп. Поэтому нормы ГК РФ раскрываются в ст. 6 Законов от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) и от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) (см. табл.).

Анализ положений указанных статей во взаимосвязи с практикой их применения позволяет выявить следующие особенности.

Во-первых, по сделкам, заключенным дочерним или зависимым обществом во исполнение указаний или с согласия основного юридического лица, на основное и дочернее общества возлагается солидарная ответственность перед кредитором дочернего общества, как, например, в деле по иску общества с ограниченной ответственностью «Эйд-Холод» к открытому акционерному обществу «Ленинградское», Министерству обороны РФ, открытому акционерному обществу «Агропром» о взыскании солидарного долга, где сама возможность солидарности ответственности основного и дочернего обществ у судебных инстанций не вызвала сомнений, а Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2012 по делу № А32-19474/2011 было отказано во взыскании лишь на том основании, что на момент заключения договора соответчик еще не мог давать обязательные указания дочернему обществу.

Во-вторых, на основное (головное) общество, а также на лиц, имеющих фактическую возможность определять действия компании, возлагается субсидиарная обязанность возмещать убытки дочернего общества собственным имуществом в случаях, когда убытки возникли по вине контролирующих лиц или основного

Таблица. Нормативные акты, раскрывающие понятие предпринимательских объединений либо позволяющие понять их сущность

Законы	Нормы, содержащие определение предпринимательских объединений либо позволяющие понять их сущность
Гражданский кодекс РФ	Хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное товарищество или общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом (ч. 1 ст. 67.3)
Закон о банках и банковской деятельности	Банковской группой признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно юридическое лицо или несколько юридических лиц находятся под контролем либо значительным влиянием одной кредитной организации (абз. 1 ст. 4). Банковским холдингом признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, включающее хотя бы одну кредитную организацию, находящуюся под контролем одного юридического лица, не являющегося кредитной организацией, а также (при их наличии) иные юридические лица, находящиеся под контролем либо значительным влиянием головной организации или входящие в банковские группы кредитных организаций — участников банковского холдинга, при условии, что доля банковской деятельности в деятельности банковского холдинга составляет не менее 40 % (абз. 2 ст. 4)
Закон об акционерных обществах	Общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное общество (товарищество) в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом (п. 2 ст. 6). Общество признается зависимым, если другое (преобладающее) общество имеет более 20 % голосующих акций первого общества (п. 4 ст. 6)
Закон об обществах с ограниченной ответственностью	Общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное общество или товарищество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом (п. 2 ст. 6). Общество признается зависимым, если другое (преобладающее, участвующее) хозяйственное общество имеет более 20 % уставного капитала первого общества (п. 2 ст. 6)

общества, как, например, в деле по иску Коваленко к Зуеву, Сытину, Никонову, Тимофееву о привлечении к субсидиарной ответственности, когда банкротство компании, как установлено в Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2014 № А11-4957/2010, было вызвано указаниями лиц, имеющих фактическую возможность влиять на деятельность общества.

Расширение сферы ответственности, посягающее на самостоятельность каждого из входящих в состав коллективного образования юридических лиц, не свойственно классическому пониманию субъекта частного права, однако вполне логично с учетом необходимости защиты частных интересов дочерних, зависимых компаний, их участников от недобросовестных действий основной компании, а также кредиторов и третьих лиц по сделкам.

Однако, чтобы избежать привлечения к солидарной с дочерней компанией ответственности, основные компании зачастую документально не закрепляют

«фактическую возможность» их влияния на принятие того или иного решения. В Законах об АО и об ООО предусмотрена обязанность фиксации такого влияния в договоре с дочерним обществом или в уставе. В большинстве случаев суды отказывают в привлечении к ответственности головной компании. Истцы в таких делах не могут доказать наличия у ответчика права давать обязательные для дочернего общества указания или факт совершения сделки во исполнение этих указаний или с согласия основного общества.

Таким образом, частноправовые нормы, относящиеся к деятельности предпринимательских объединений, и практика их применения демонстрируют закрепление доктрины контроля, где приоритет отдается выявлению контролирующих деятельность компании лиц, определению правовых связей между головным и подконтрольным лицом. Такой подход плодотворен не только в вопросах субсидиарной ответственности по долгам дочерних, зависимых компаний, но и в вопросах защиты прав самих контролирующих лиц от деятельности должностных лиц органов управления, что явно демонстрирует дело № А40-104595/2014 по иску Москалева к закрытому акционерному обществу «Аспект-Финанс», где Определением Верховного суда РФ (далее — ВС РФ) от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197 была подтверждена необходимость учитывать права конечного бенефициара корпорации.

В отличие от частного права, нормы публичного права активно используют понятия *группы лиц, взаимозависимых лиц, аффилированных лиц*, содержат характеристики состояния зависимости. Поскольку публично-правовое регулирование отношений экономической зависимости нацелено на пресечение совместных недобросовестных действий преобладающих и зависимых лиц, характеристики групп, отраженные в налоговом и антимонопольном законодательстве, способствуют не только выявлению связей между компаниями, но и определению внешних границ таких объединений. Поэтому анализ публично-правовых норм имеет значительную ценность для нашего исследования.

Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ст. 105.1), Законы от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ст. 4) и от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ст. 9) выделяют различные группы критериев признания лиц взаимозависимыми: по доле участия, по полномочиям, по родству, по управлению и др. В противоположность частноправовому подходу, где формулируются дополнительные обязанности для основного общества, в рассматриваемых законах правовые ограничения, требования или запреты могут быть обращены как к основному, так и к зависимым обществам. Например, Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.09.2016 № 305-КГ16-6003 подтверждена возможность взыскания налоговой задолженности с общества «Интерос», числящейся за обществом «Интеркрос Оптима» со ссылкой на совокупность обстоятельств, свидетельствующих о наличии состояния зависимости и согласованных действиях, направленных на неисполнение налоговой обязанности.

Нормы публичных отраслей права и практика их применения существенно продвинулись в вопросах регулирования предпринимательских объединений. Это связано с тем, что, имея достаточно широкую трактовку возможных состояний зависимости, основанных на преобладающем участии в уставном капитале, или на договоре, или на иной возможности определять решения зависимого лица, суд

не может позволить себе ограничиться констатацией наличия какой-либо связи между компаниями. Он вынужден искать иную сущностную составляющую, позволяющую такой группе действовать на рынке как одно целое. Поэтому в судебной практике, основанной на нормах публичного права, уверенно закрепились доктрина единого экономического интереса. В отличие от теории контроля, она позволяет не только определить соответствие формальным признакам группы, но и установить, что совместные действия каждой входящей в такую группу компании подчинены единому экономическому интересу. В таком случае обособленная правосубъектность компаний, входящих в предпринимательское объединение, судами не признается, а правоприменитель рассматривает такое объединение как единое целое — один хозяйствующий субъект.

Прогрессивность такого подхода приветствуется и учеными, которые считают необходимым заимствование положений норм публичного права о предпринимательских объединениях в ГК РФ и Закон о банках и банковской деятельности. Например, Н. В. Гурин подвергает жесткой критике определения банковской группы и холдинга, указывая на то, что содержащаяся в действующем законе трактовка понятия «группа» может не учитывать объективного положения основного юридического лица в коллективном образовании, искажая показатели его деятельности и оставляя за скобками скрытые риски (Гурин 2016). Именно такие риски и влекут впоследствии отзывы лицензий или введение процедуры санации ряда банков, входивших в состав финансовых групп или холдингов, чей рейтинг надежности не свидетельствовал о критическом финансовом положении (Вержбицкий, Яковенко 2017). По-видимому, мнение Н. В. Гурина разделяет и Банк России, который, подготовив в 2017 г. доклад для общественных слушаний «О совершенствовании регулирования деятельности банковских групп, банковских холдингов и иных объединений юридических лиц с участием финансовых организаций», затронул в первую очередь качественные характеристики группы и холдинга, отражающие не только его состав, но и порядок управления таких объединений. Банк России предложил включить в состав банковской группы обособленные имущественные комплексы и закрепить в законодательстве положение о том, что органы управления головной организации управляют деятельностью банковской группы (банковского холдинга). С точки зрения российской цивилистики данные изменения подрывают основы юридического лица как правовой категории. С точки зрения же общественности, изменения определений группы и холдинга в целом вызвали положительные отзывы (Результаты опроса по докладу Центрального банка РФ для общественных консультаций «О совершенствовании регулирования деятельности банковских групп, банковских холдингов и иных объединений юридических лиц с участием финансовых организаций». Дата обращения 1 февраля, 2017. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/50721/holding_170201_1.pdf).

Практикующие юристы настаивают на необходимости уменьшения законодательных барьеров, препятствующих эффективной работе органов управления основных (головных) компаний и способствующих защите прав участников компаний, входящих в рассматриваемые объединения. Речь идет о создании условий для беспрепятственной передачи информации внутри холдинга. Такая цель может обеспечиваться путем расширения прав акционеров и членов совета директоров основных (головных) компаний посредством предоставления права доступа к ин-

формации дочерней компании. Также оптимизация управления в холдингах может предполагать предоставление прав участникам дочерних компаний на оспаривание действий и решений члена совета директоров основной (головной) компании или включение в компетенцию совета директоров полномочий одобрять сделки дочерних компаний.

Таким образом, тенденции в науке и практике по расширению использования доктрины контроля, по применению доктрины единого экономического интереса, по уменьшению законодательных барьеров внутри предпринимательских объединений вызваны объективной необходимостью интеграции в мировое экономическое пространство, что требует пересмотра понятия юридического лица, входящего в состав банковских групп и холдингов, а также определения правового статуса последних.

2.2. Признаки предпринимательских объединений в российском и европейском праве. Гражданско-правовой статус субъекта права, кроме отмеченных выше правовых основ деятельности, включает в себя правосубъектность, а также, по мнению В. В. Долинской, вопросы создания и прекращения деятельности (Долинская 2012, 8). Последние связаны с государственной легитимацией компании в качестве субъекта права. Такая легитимация в России выражается внесением записи в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей о создании либо ликвидации субъекта. Регистрация коллективного субъекта права возможна только при наличии следующих признаков: организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная гражданско-правовая ответственность и выступление в экономическом обороте от собственного имени (ст. 48 ГК РФ). По смыслу закона данные признаки в совокупности должны обеспечивать возможность наделения правами и обязанностями, а также отражать способность их реализации субъектом, т. е. правосубъектность.

В той или иной мере указанные признаки проявляются и в предпринимательских объединениях.

Организационное единство, т. е. устойчивая структура, позволяющая выступать вовне в качестве единого целого, обеспечивается в юридических лицах определенной системой органов и их компетенцией, а в предпринимательских объединениях — жестким контролем дочерних обществ со стороны основной компании. Наличие такого контроля — общепризнанный атрибут современных предпринимательских объединений. В частности, говоря о трансграничных корпорациях, К. Вайлерт выделяет этот признак в качестве характерного для таких компаний и отмечает наличие интеграции основной компании и дочерних компаний (Weilert 2009, 886). Связи между компаниями внутри холдинга, группы или транснациональной корпорации отличаются устойчивостью и направленностью на достижение единой цели предпринимательского объединения, а не на удовлетворение потребностей каждой из входящих в такую систему компании (Kraakman et al. 2017, 163). Именно поэтому создаваемые законом барьеры по обмену информацией, по совершению сделок между компаниями внутри предпринимательского объединения фактически лишь обременяют управление группой и порождают дополнительные издержки производства. В рассматриваемом контексте, с учетом того, что холдинги, группы, трансграничные корпорации выступают в экономическом обороте в качестве целостного образования, предложения Банка России о возможности органов управления го-

ловной кредитной организации банковской группы управлять деятельностью банковской группы являются обоснованными. По сути, они направлены лишь на устранение препятствий для внутрикорпоративной деятельности.

По мнению российских ученых, решающий признак коллективного субъекта гражданского права — имущественная обособленность (Могилевский 2014, 20). Ее конкретное выражение состоит в том, что юридическое лицо в зависимости от его вида и организационно-правовой формы должно иметь либо баланс (для коммерческой организации), либо смету (для некоммерческой организации). При этом и баланс, и смета должны быть самостоятельными. Банковское законодательство предусматривает обязанность головной компании представлять в Банк России консолидированную отчетность о деятельности банковского холдинга, которая включает в себя консолидированный бухгалтерский отчет, консолидированный отчет о прибылях и убытках, а также расчет рисков на консолидированной основе. Консолидированный баланс представляет собой арифметическую сумму самостоятельных балансов организаций, входящих в предпринимательское объединение, поэтому самостоятельные балансы в нем не растворяются, а сохраняют свой смысл. Для многих коллективных образований, имеющих статус юридического лица, имущественная обособленность выполняет лишь второстепенную, побочную функцию. Например, для ВС РФ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» устанавливает статус юридического лица, хотя основная функция — отправление правосудия — никоим образом не предусматривает возможности соотнесения основного вида деятельности с получением прибыли или с ответственностью по обязательствам. Акцентирование внимания на имущественной обособленности ВС РФ как юридического лица не способствует его характеристике или его пониманию как особого коллективного субъекта права.

Кроме того, как указывалось выше, доктрина единого экономического интереса нивелирует значение самостоятельности балансов. Подтверждением условности рассматриваемого признака служит, в частности, позиция Высшего арбитражного суда РФ, отраженная в Постановлении от 04.12.2012 № 8989/12, в котором суд указал на возможность безвозмездной передачи любого, в том числе недвижимого, имущества от дочернего общества к головному и наоборот, объясняя это экономической целесообразностью. Закрепленный в законе запрет на дарение между коммерческими организациями не действует, если перед нами юридические лица, входящие в состав объединения. Соответственно, решающего практического значения разделение балансов в таких компаниях для целей экономического оборота уже не имеет.

В условиях развития наднациональных форм юридических лиц в Европейском союзе, предполагающих возможность существования полноправных субъектов частного права с отсутствием признака имущественной обособленности (например, Европейское объединение с общей экономической целью), вопрос об имущественной обособленности как об обязательном признаке коллективного субъекта права теряет актуальность. Так, в Регламенте Совета Европейского экономического сообщества 1985 г. № 2137/85 (Council Regulation No. 2137/85 1985, 31 July, L. 199. Accessed October 10, 2018. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31985R2137>) указано, что такая форма предпринимательских

объединений, как Европейская группа экономических интересов, имеет право от своего имени заключать договоры и обращаться в суд (ст. 1). Между тем такое образование не подпадает под признаки юридического лица, характерные для российской правовой действительности, и не наделяется обособленным имуществом.

С рассмотренным признаком тесно связана возможность самостоятельной ответственности субъекта права. Формальные правила частноправового регулирования не позволяют выступать истцом и ответчиком в суде объединениям юридических лиц. В таком случае контрагентам приходится привлекать несколько юридических лиц в качестве соответчиков по делу, которые входят в состав группы или холдинга. Таким образом, де-факто участником процесса выступает не одно юридическое лицо, а само предпринимательское объединение. Например, в деле № А07-14085/2017 (Решение арбитражного суда от 30.08.2017) по иску Министерства земельных и имущественных отношений Республики Башкортостан, ПАО НК «Роснефть» и др. ответчиками выступали ПАО «Акционерная финансовая корпорация «Система»» и АО «Система-Инвест», входящие в одно финансовое объединение. Кроме того, практические примеры привлечения материнской компании по долгам дочерней свидетельствуют об условности термина «самостоятельная ответственность», ведь самостоятельность ответственности невозможна, когда речь идет о нарушениях принципа рационального управления компаниями со стороны лиц, определяющих волю дочерних компаний, или об умышленном уклонении от уплаты налогов и доведении компании до банкротства.

Возможность выступления в гражданском обороте от собственного имени — признак, который также фактически не имеет особого значения для предпринимательских объединений. Участники экономического оборота могут беспрепятственно получать информацию относительно состава юридических лиц, образующих данное предпринимательское объединение. Этому способствует тенденция обязательности раскрытия информации о лицах, принимающих участие в управлении, надзоре или контроле за компаниями, закрепленная в Директиве 2009/101/ЕС Европейского парламента и совета от 16.09.2009 (Дата обращения 10 марта, 2019. <http://www.worldbiz.ru/base/24044.php>). В других случаях многие предпринимательские объединения открыто демонстрируют принадлежность к определенной группе или холдингу, используя единое наименование (например, консорциум «Альфа-Групп», действовавшие ранее финансовая группа «Лайф», холдинг «Промсвязь-капитал» и др.).

Таким образом, наличие закрепленных в законодательстве России атрибутивных признаков коллективного субъекта частного права позволяет государству регистрировать их обладателей в качестве юридических лиц. Предпринимательские объединения довольствуются лишь организационным и экономическим единством. Экономическое единство или единый экономический интерес объясняются единой экономической политикой, которую поддерживают все входящие в состав коллективного образования юридические лица. Организационное единство обеспечивается системой контроля, который юридические лица, входящие в коллективное образование, осуществляют в отношении друг друга. Для практической деятельности предпринимательских объединений как в России, так и в Европе указанные признаки необходимы и достаточны.

2.3. Проблема гражданской правосубъектности предпринимательских объединений: поиск возможного для российского законодательства подхода с учетом европейской практики. Решение вопроса о правосубъектности банковских групп, холдингов, транснациональных корпораций, как и любого другого предпринимательского объединения, не зарегистрированного в качестве юридического лица, не должно опираться на поиск их соответствия формальным требованиям о признаках коллективного субъекта права. Как верно замечает Р.О. Фатхуллин, юридическое лицо существует только потому, что оно признается существующим, поэтому и предпринимательские объединения должны признаваться существующими (Фатхуллин 2012, 98). Основанием для признания таких объединений служит их деятельность, которая не должна ставиться в зависимость от совпадения или несовпадения признаков объединений и юридических лиц. Решение вопроса о статусе банковских групп и холдингов должно опираться на формирование подхода, позволяющего адекватно отразить процессы, протекающие в экономическом обороте. Как правильно отмечает М. Пентикяйнен, не существует стандартного набора прав и обязанностей для каждого субъекта права, а само понятие «субъект права» относительно (Pentikäinen 2012, 151). К такому же выводу приходят и российские ученые. Так, И.В. Самылов ставит под сомнение обоснованность использования конструкции юридического лица, упоминая, кроме прочего, о том, что статус юридического лица приобретает значение для правоспособности коллективных субъектов лишь на определенном этапе развития права (Самылов 2009). Указанный автор предлагает отказаться от существующей классификации субъектов частного права, при которой наряду с физическими лицами и государством субъектом права выступает только юридическое лицо. Главная проблема включения других коллективных образований в число субъектов частного права — отсутствие самостоятельной правосубъектности. Правоспособность предполагает наличие у юридического лица таких прав и обязанностей, которые соответствуют целям его деятельности и прямо зафиксированы в его учредительных документах. Соответственно правоспособность предпринимательского объединения может предполагать совокупность прав и обязанностей каждого из входящих в состав такого объединения юридических лиц. Благодаря наличию единой экономической цели для всех участников объединения такая правоспособность является интегрированной, иными словами — единой. И пусть каждая из входящих в состав предпринимательского объединения компаний выполняет определенный вид деятельности в соответствии с уставом, т. е. обладает специальной правосубъектностью, это не означает, что вся корпорация в целом не пользуется теми благами, которые предоставила ей данная компания. Наличие самостоятельной правосубъектности каждой компании внутри предпринимательского объединения — естественный, но отнюдь не обязательный элемент рассматриваемой структуры. Как указывалось ранее, Банк России предложил включить в состав банковской группы обособленные имущественные комплексы (например, паевые инвестиционные фонды). В случае легитимации такого предложения положение о правосубъектности каждой компании в составе банковской группы или холдинга как главный препятствующий аргумент в вопросе самостоятельности предпринимательских объединений теряет актуальность.

Концепция юридического лица, его гражданско-правового статуса, его законодательных признаков и правосубъектности имеет значение исключительно для

разрешения договорных споров. Имеющаяся в ГК РФ классификация удобна для кредиторов и третьих лиц по гражданско-правовым обязательствам юридического лица, поскольку позволяет точно идентифицировать контрагента. Подтверждением служат многочисленные примеры из судебной практики, касающейся договоров. Например, когда пассажир предъявляет иск о возмещении ущерба по договору перевозки, ответственность будет возлагаться судом на перевозчика, т. е. непосредственно на компанию, с которой у пассажира заключен договор. В таких спорах не имеет значения, был ли перевозчик дочерней, зависимой компанией по отношению к головной компании — виновнику правонарушения. Для третьих лиц, не являющихся собственниками бизнеса, несущественно, какие указания выдавались перевозчику в процессе исполнения договора с ними. Для них важны безусловное надлежащее исполнение обязанностей со стороны контрагента и четкое представление о том, к кому конкретно могут быть обращены требования о взыскании в случае ненадлежащего их исполнения. Исключение составляют лишь требования, направленные на возложение ответственности на контролирующих лиц, предъявляемые кредиторами в рамках процедуры банкротства. Однако любые вопросы, связанные с поиском контролирующих, зависимых лиц, затрагивают не существо обязательства, не порядок исполнения обязательства, а исключительно внутреннюю структуру предпринимательского объединения, в рамках которой произошли неразумные или недобросовестные действия, приведшие к банкротству. Как известно, вопросы внутренней структуры компании, а также назначения органов управления, реализации права управления, интересов компании относятся к числу корпоративных отношений. Практика применения корпоративных норм показывает, что конструкция юридического лица применительно к предпринимательским объединениям становится обременением, которое препятствует, с одной стороны, эффективному ведению бизнеса, а с другой — эффективному государственному контролю за финансовой, налоговой и конкурентной деятельностью участников экономического оборота.

Каждый коллективный субъект обнаруживает свою активность и в сфере договорного регулирования, и в сфере корпоративных отношений, поэтому содержащиеся на сегодняшний день в ГК РФ нормы о классификации субъектов права, о понятии и признаках юридического лица раскрывают лишь один аспект жизнедеятельности коллективных субъектов и ограничивают его проявления в сфере корпоративных отношений.

В свете примеров из европейской судебной практики, демонстрирующих возможность судебной защиты объединений, в которых были созданы компании по национальному праву в разных странах, но с идентичным управлением, акценты смещаются с формально закрепленных границ компаний на практическое представление о целостности того или иного субъекта в каждом конкретном споре. Так, в деле *Sar Schotte v. Parfums Rothschild* (1987, ECR 4905. Accessed October 10, 2018. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61986CJ0218>) формально независимые компании вели бизнес и переговоры от имени другой компании в другой европейской стране.

Закрепление признаков юридического лица, создание четких требований, которым должно соответствовать коллективное образование для того, чтобы признаваться субъектом гражданского права, были уместны в период действия советской

частноправовой системы. Целью деятельности последней выступало обслуживание хозяйственного оборота с участием государства. Государственная собственность практически на все средства производства не предполагала необходимости закрепления в гражданском праве корпоративных отношений и соответственно поиска контролирующих лиц, взаимозависимых лиц. Но как только российская экономика получила возможность развития различных форм собственности, а российское право включило конструкцию корпоративных отношений в гражданское законодательство, возникла потребность придать гражданско-правовой статус любым коллективным образованиям, будь то юридические лица или предпринимательские объединения.

В праве Европейского союза отсутствует единое общеправовое определение юридического лица, а вопросы придания статуса юридического лица наднациональным формам европейских объединений отданы на усмотрение национального законодателя. Право Европейского союза в целях эффективного функционирования уделяет отдельное внимание компаниям и фирмам, созданным в рамках регулирования гражданского или коммерческого права, в том числе разнообразным видам юридических лиц (за исключением некоммерческих), которые регулируются государственным или частным законодательством (Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union, article 54. Accessed October 10, 2018. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT>). Конечно, каждая компания наделяется правоспособностью, только если это установлено в определенной национальной правовой системе. Именно поэтому наднациональное регулирование юридических лиц в праве Европейского союза носит вспомогательный характер, оно способно лишь дополнять по отдельным вопросам сложившееся национальное регулирование. Однако наднациональные юридические лица, закрепленные в законодательстве ЕС, на международном уровне обладают заметными конкурентными преимуществами по сравнению с юридическими лицами, легитимированными национальными законами.

Вариативность подхода к пониманию юридического лица создает условия для развития естественных процессов в экономике, поскольку холдинги, группы и иные предпринимательские объединения — это закономерные стадии развития успешных компаний. Именно поэтому для российского права представляется целесообразным отказаться от сложившейся классификации субъектов частного права. Для этого желательно предусмотреть на уровне ГК РФ возможность участия предпринимательских объединений в частноправовых отношениях и закрепить доктрину единого экономического интереса. Введение таких законодательных дополнений позволит существенно продвинуться в вопросах защиты корпоративных прав и минимизировать случаи уклонения головных компаний от локального закрепления отношений с дочерними компаниями во избежание их субсидиарной или солидарной ответственности по долгам последних.

3. Выводы

Гражданско-правовой статус предпринимательских объединений в условиях гармонизации норм частного права и законодательства приобретает все большее значение. Он проявляется в отдельных сферах банковского регулирования,

а также эффективно применяется, в частности, в европейской судебной практике. Целесообразность постановки вопроса о возможности наделения правами и обязанностями предпринимательских объединений обусловлена тенденциями размывания критериев субъективности в различных правовых актах и судебных решениях. Потребность отдельных стран Европы и Европейского союза в целом в создании конкурентных, устойчивых, прибыльных компаний порождает интегрированные формы коллективных субъектов, не имеющие традиционных для романо-германской системы права признаков юридического лица, но тем не менее вводимых в экономический оборот соответствующими нормами права. В таких условиях статичность российской правовой системы в вопросах расширения круга субъектов частного права представляется необоснованной. Доктрина единого экономического интереса, широко распространяющаяся в судебной практике, не только выявляет юридическую зависимость компаний, как при закреплённой в ГК РФ доктрине контроля, но и определяет фактические отношения между участниками предпринимательского объединения. Законодательный подход, который позволил бы рассматривать предпринимательские объединения в качестве участников гражданско-правовых отношений, опираясь на доктрину единого экономического интереса, создал бы условия для эффективной защиты компаний — участников таких объединений и в то же время для совершенствования внутренней структуры банковских групп и холдингов, их управления и соответственно для повышения уровня их конкурентоспособности на мировом рынке.

Библиография

- Вержбицкий Антон, Дмитрий Яковенко. 2017. «Рейтинг 100 банков по надёжности — 2017». *Forbes* 23 марта. <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/341229-reyting-100-krupneyshih-bankov-2017>.
- Гурин, Никита В. 2016. «Регулирование “банковской группы” в современной России при слияниях и поглощениях банков». *Вестник МГИМО-университета* 2 (47): 207–218.
- Долинская, Владимира В. 2012. «Правовой статус и правосубъектность». *Законы России: опыт, анализ, практика* 2: 6–17.
- Долинская, Владимира В., ред. 2018. *Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах*. М.: Проспект.
- Ефимцева, Татьяна В. 2009. «Правовое положение субъектов инновационной деятельности». *Lex Russica* 5: 1110–1150.
- Иванов, Игорь В. 2018. «Новые вызовы и новые горизонты. Внешняя политика России после выборов: придется отстаивать свое законное место за столом переговоров о будущем миропорядке». *Российская газета — Федеральный выпуск* 61 (75241), 23 марта. <https://rg.ru/2018/03/23/ivanov-vneshniaia-politika-rf-budet-effektivnoj-tolko-mnogovektornoj.html>.
- Кашкин, Сергей Ю., Андрей В. Жупанов. 2013. «Юридические лица в праве Европейского союза: организационно-правовые аспекты регулирования корпоративных отношений». *Lex Russica* 7: 718–734.
- Лаптев, Владимир В. 2003. *Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие*. М.: Юрист.
- Могилевский, Григорий А. 2014. *Военная организация как субъект гражданского права*. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.
- Самылов, Иван В. 2009. Понятие и система коллективных субъектов права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 4 (6): 25–32.
- Фатхуллин, Руслан О. 2012. «Правосубъектность транснациональной корпорации». *Евразийский юридический журнал* 6 (49): 97–99.

- Kraakman, Reinier, John Armour, Paul Davies, Luca Enriques, Henry Hansmann, Gerard Hertig, Klaus Hopt, Hideki Kanda, Mariana Pargendler, Wolf-Georg Ringe, Edward Rock. 2017. *The Anatomy of Corporate Law. A Comparative and Functional Approach*. 3rd ed. Oxford: Oxford university press.
- Pentikäinen, Merja. 2012. "Changing International 'Subjectivity' and Rights and Obligations under International Law — Status of Corporations". *Utrecht Law Review* 8 (1): 145–154.
- Stein, Eric. 1972. "Harmonization of European company laws". *Law and Contemporary Problems* 4: 318–328.
- Weilert, Katarina. 2009. "Transnationale Unternehmen im rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite völkerrechtlicher Standards". *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht* 69: 883–918.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2019 г.,
рекомендована в печать 15 ноября 2019 г.

Контактная информация:

Ефимцева Татьяна Владимировна — д-р юрид. наук, проф.; tve-26@mail.ru
Летуца Татьяна Владимировна — канд. юрид. наук, доц.; ltv10@mail.ru

The civil status of entrepreneurial associations in the context of European and Russian legislation harmonization

T. V. Efimtseva¹, T. V. Letuta²

¹ Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
50, Komsomol'skaya ul., Orenburg, 460000, Russian Federation

² Orenburg State University,
13, pr. Pobedy, Orenburg, 400018, Russian Federation

For citation: Efimtseva, Tatiana V., Tatiana V. Letuta. 2020. "The civil status of entrepreneurial associations in the context of European and Russian legislation harmonization". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 50–66. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.104>

The article contains a study of the question of the correlation between the legislative definition of the subject of Russian private law and the requirements of modern international economic turnover. A review of the laws on business associations and the practice of their application in Russia makes it possible to identify the tendency to spread the doctrine of control and the doctrine of a single economic interest. These doctrines can effectively protect corporate interests while entrepreneurial associations have only organizational and economic unity. For the practical activities of entrepreneurial associations both in Russia and in Europe, these characteristics are necessary and sufficient. In general, it should be recognized that the concept of a legal entity, its civil status, its legislative features and legal personality are important only for the resolution of contractual disputes. And, as the practice of applying corporate norms shows, the design of a legal entity in relation to entrepreneurial associations becomes an encumbrance that hinders, on the one hand, the effective conduct of business, and, on the other hand, effective state control over the financial, tax and competitive activities of participants in the economic turnover. Taking into account the fact that each collective entity finds its activity both in the sphere of contractual regulation and in the sphere of corporate relations, the norms currently contained in the Russian Civil Code on the classification of subjects of law, the notion and features of a legal entity cover only one aspect of the life of collective actors and limit its manifestations in the sphere of corporate relations. It is proposed to expand the idea of collective subjects of private law. The practical expediency of giving civil status to entrepreneurial associations is substantiated.

Keywords: subject of private law, harmonization, legal entities, banking groups, the doctrine of single economic interest, corporation, civil liability.

References

- Dolinskaya, Vladimira V. 2012. "Legal status and legal personality". *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 2: 6–17. (In Russian)
- Dolinskaya, Vladimira V., ed. 2018. *Civil Law Reform: General Provisions on Transactions, Obligations and Contracts*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Efimtseva, Tat'yana V. 2009. "The legal status of subjects of innovation". *Lex Russica* 5: 1110–1150. (In Russian)
- Fatkullin, Ruslan O. 2012. "Legal personality of a transnational corporation". *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* 6 (49): 97–99. (In Russian)
- Gurin, Nikita V. 2016. "Regulation of the "banking group" in modern Russia during mergers and acquisitions of banks". *Vestnik MGIMO-universiteta* 2 (47): 207–218. (In Russian)
- Ivanov, Igor. 2018. "New challenges and new horizons. Russian foreign policy after the elections: it will be necessary to defend its rightful place at the negotiating table on the future world order". *Rossiiskaia gazeta — Federal'nyi vypusk* 61 (75241), March 23. <https://rg.ru/2018/03/23/ivanov-vneshniaia-politika-rf-budet-effektivnoj-tolko-mnogovektornoj.html>. (In Russian)
- Kashkin, Sergei Yu., Andrei V. Zhupanov. 2013. "Legal Entities in European Union Law: Legal Aspects of Corporate Relations Regulation". *Lex Russica* 7: 718–734. (In Russian)
- Kraakman, Reinier, John Armour, Paul Davies, Luca Enriques, Henry Hansmann, Gerard Hertig, Klaus Hopt, Hideki Kanda, Mariana Pargendler, Wolf-Georg Ringe, Edward Rock. 2017. *The Anatomy of Corporate Law. A Comparative and Functional Approach*. 3rd ed. Oxford, Oxford university press.
- Laptev, Vladimir V. 2003. *The subjects of business law: textbook. Allowance*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Mogilevskii, Grigorii A. 2014. *Military organization as a subject of civil law*. Novosibirsk, Novosibirskii voennyi institut imeni generala armii I. K. Yakovleva voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii Publ. (In Russian)
- Pentikäinen, Merja. 2012. "Changing International 'Subjectivity' and Rights and Obligations under International Law — Status of Corporations". *Utrecht Law Review* 8 (1): 145–154.
- Samylov, Ivan V. 2009. "The concept and system of collective subjects of law". *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 4 (6): 25–32. (In Russian)
- Stein, Eric. 1972. "Harmonization of European company laws". *Law and Contemporary Problems* 4: 318–328.
- Verzhbitskii Anton, Yakovenko Dmitrii. 2017. "Rating of 100 banks by reliability — 2017". *Forbes* March 23. <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/341229-reyting-100-krupneyshih-bankov-2017>. (In Russian)
- Weilert, Katarina. 2009. "Transnationale Unternehmen im rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite völkerrechtlicher Standards". *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht* 69: 883–918.

Received: March 12, 2019
Accepted: November 15, 2019

Authors' information:

Tatiana V. Efimtseva — Dr. Sci. in Law, Professor; tve-26@mail.ru
Tatiana V. Letuta — PhD in Law, Associate Professor; ltv10@mail.ru